

ГОД С ОГЛЯДКОЙ НА НЕИЗВЕСТНОЕ

ЭКОНОМИКА РОССИИ ПОДГОТОВИЛАСЬ КО ВСЕМ РИСКАМ 2018 ГОДА, КРОМЕ ТЕХ, О КОТОРЫХ НИКТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТ

2018 год обещает быть самым безрисковым для предпринимательства в России — и самым нервным. Еще никогда экономика не сталкивалась с таким уникально благоприятным набором политической определенности, макроэкономической стабильности, ожидаемого роста и просчитываемости основных бизнес-рисков. Когда все так понятно и предсказуемо, ожидать с опаской стоит того, о чем нечего даже предположить, — роль непросчитываемых изменений в экономике РФ резко возрастает.

Пожалуй, такой степени определенности в будущем российской экономики, как нас ожидает в 2018 году, не было десятилетие, а то и два. Спокойствие, с каким чиновники Белого дома произносят «после апреля, все это после апреля», почти невозможно передать. Правительство России сменилось после президентских выборов в марте 2018 года, однако уже сейчас известно, чем оно будет занято по крайней мере первые месяцы своей работы. Дискуссии о будущей экономической программе предполагаемого президента РФ с 2018 года, Владимира Путина, отложены именно на этот срок. Выбор между всеми наработками команд, готовивших весь 2017 год программы экономического развития, — это прежде всего проекты Центра стратегических разработок под руководством Алексея Кудрина и правительственный план стимулирования экономического роста, собираемый в Минэкономике министром Максимом Орешкиным, — и сведение их во что-то единое произойдут не ранее чем в мае 2018 года. А скорее всего, позже — к осени. Таким образом, каких-либо крупных изменений в экономическом курсе, если их кто-либо и ждет, не имеет смысла ждать как минимум три квартала подряд. А скорее всего, речь будет идти о годе, в течение которого плановых системных вмешательств государства в работу рынков по иным принципам, нежели известные в 2012–2017 годах, не ожидается. Учитывая же, что именно в последние годы Белый дом вообще не слишком активно занимался оперативным госрегулированием, спокойствие на этом фронте обеспечено.

Между тем чисто экономический фон, по крайней мере первой половины 2018 года, в той же мере уже определен. Небольшой, нестабильный, но вполне явный рост внутреннего спроса, зафиксированный впервые в третьем квартале 2017 года Росстатом, вел себя удивительно предсказуемо до ноября — и нет никаких оснований предполагать, что, за исключением небольших колебаний, этот тренд не продолжится до лета 2018 года. По расчетам Минэкономки, к концу 2017 года сокращение нормы сбережений и рост расходов, вызвавшие стабильный, на уровне 2–3% год к году, рост ритейла, стали более или менее постоянными — речь при этом идет о весьма инерционных процессах. Банковское кредитование юрлиц в ноябре 2017 года наконец преодолело стагнацию и понемногу нарастает. Кредитование физлиц растет за счет потребкредитования и особенно ипотеки — так, что ЦБ с января 2018 года даже мягко ограничивает возможность для банков выдавать ипотеку с малым начальным платежом (менее 20%). Если же учесть, что все это происходит на фоне довольно резко снизившейся инфляции (по итогам года она составит около 2,5–2,8%, чего в современной истории России просто никогда не случилось) и при положительных процентных ставках по кредиту, — экономики, немного растущей при такой стабильной макроэкономической ситуации, страна еще не видела.

Нечего даже говорить о безработице — учитывая демографическую ситуацию, никаких угроз ее существенного роста в 2018 году нет, скорее предпринимательским риском (впрочем, уже привычным) является ее дальнейшее снижение: дефицит трудовых ресурсов всегда ставит работодателя в слабое положение, и это почти неизбежно — реалии рынка труда в России в следующем году.

Мало того, и разрушить эту стабильность, по крайней мере в сжатые сроки,ординарными мерами почти невозможно. Уже к лету 2017 года выяснилось, что на стандартного масштаба колебания нефтяной конъюнктуры (изменение цены нефти на 10–15% за несколько недель) российский рубль, находящийся в относительно свободном плавании, реагирует достаточно слабо — во всяком случае, слабее, чем любые валюты развивающихся рынков, это несравнимо с валютным рынком ЮАР, Бразилии или Турции. Для системного роста ин-

фляции, который невозможен без изменения политики Банка России, нужно время — от полугода и более.

Даже крупные санации в банковской системе осенью 2017 года — группы «Открытие» и Бинбанка — ничего существенно не изменили ни в структуре банковского кредита, ни по большому счету в частном секторе экономики: единственными пострадавшими были госструктуры, которым пришлось перемещать преимущественно валютные депозиты в другие банковские группы. Ожидать какого-либо промышленного спада (как и крупного роста) в течение 2018 года не приходится — в большинстве отраслей, не зависящих от расходов госбюджета, ситуация стабильна. Расходы госбюджета на 2018 год, несмотря на формальное исчерпание в уходящем году Резервного фонда (он в уже «пустом» виде слит с Фондом национального благосостояния, ФНБ), будут стабильными: Минфин в течение всего 2017 года, когда нефть стоила более \$40 за баррель (среднегодовая реальная цена превысит \$50), конвертировал деньги в валютные депозиты через ЦБ, и на следующий год «подушка безопасности» даже при падении цен на нефть существует — не говоря уже о ФНБ.

Даже расчеты последствий ужесточения санкций США против России, проведенные в ЦБ и Минэкономки, показывают, что в более или менее умеренном варианте «экономической войны» ничего особенно удивительного именно в 2018 году не произойдет. Увеличится (сначала, возможно, более сильно, затем постоянно на 0,3–0,4 процентного пункта) доходность ОФЗ и еврооблигаций, немного вырастут ставки по корпоративным облигациям, возможно, немного, в пределах 5–10%, девальвируется рубль — последнее уже спорно. Все возможные эффекты санкций в более жестком варианте скорее долгосрочны и очень медленны — до конца 2018 года закладываться на них не имеет смысла.

«Крепость Россия», о необходимости которой так много и так обреченно говорили ультрапатриоты в 2012–2015 годах, уже построена, как удивительно это ни звучит, совсем другими людьми — Банком России и финансово-экономическим блоком правительства, причем с определенной пользой для экономики, без военных маршей, всеобщей патриотической мобилизации и перевода страны в режим «военной готовности». Это не бесплатно, в крепостях вообще не всегда хорошо с экономикой — экономический рост в России на